

Александр
Власов

По-своему
взирая

Александр Власов
По-своему взирая

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Власов А. И.

По-своему взирая / А. И. Власов — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-81-2

Когда у данного стихотворца появилась книга, в которой выразилось его личное понимание Библии, глазам его открылась ошибка проделанной работы. Не стоило связываться с оккультной книгой. Но не всё в осуществлённой работе его огорчало, одну треть её он уберёт от урны. Сонетная форма, как правило, предполагала любовное содержание. Много писать о своей Тамаре поэт, однако, не стал, а пристально обратился к образу госпожи де Турвель, единственно волнующей его личности большого романа Шодерло де Лакло «Опасные связи». Главные его герои, виконт и маркиза, характеризуют эту женщину «святошей», но близка по духу нашему лирику только она. Между тем ему сдаётся, что многие русские классики с ненасытностью дышали именно Вальмоном. Уверенно называя Пушкина, Лермонтова и Тютчева, с меньшей смелостью, но не с меньшей проницательностью называет он и прозаиков, обязанных именем этой французской книге. И, как и предыдущие, новая книга поэта и художника А. Власова заполнена прекрасными рисунками.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907332-81-2

© Власов А. И., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

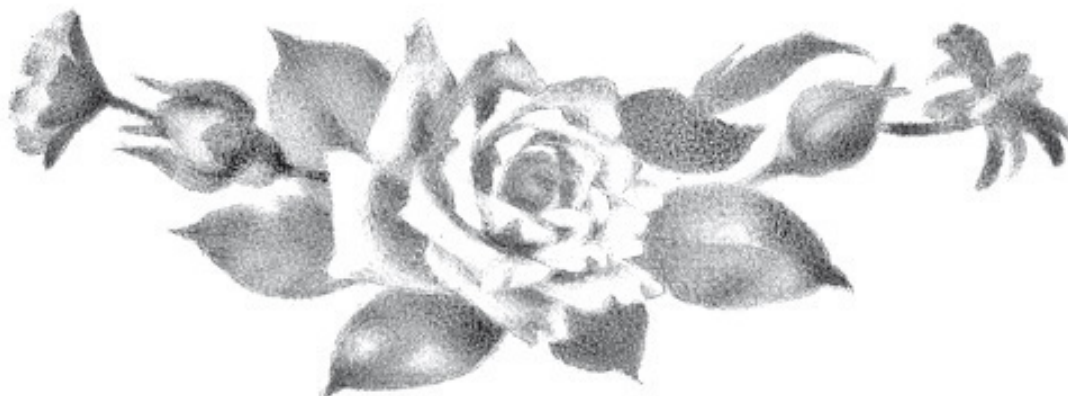
По-своему взирая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Власов По-своему взирая

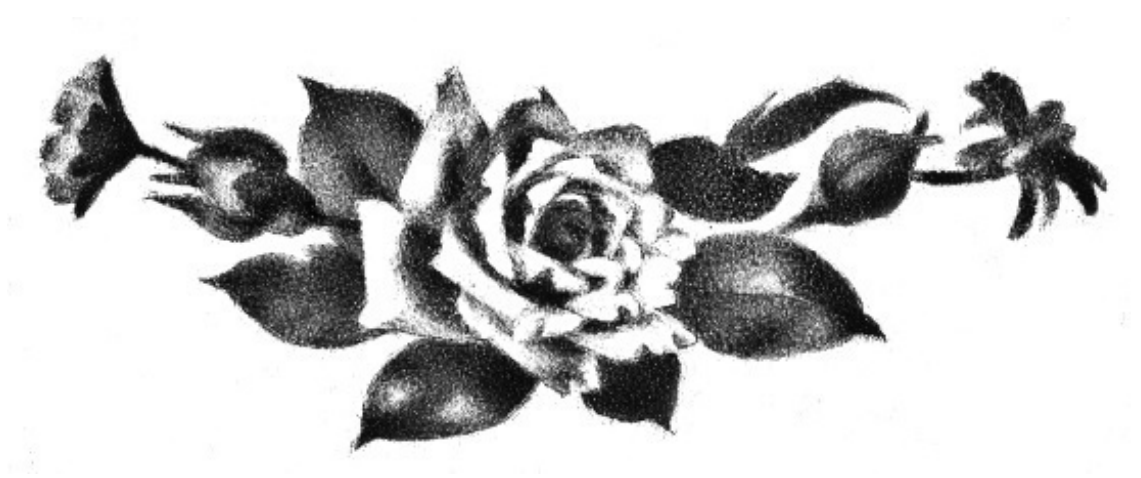

© Власов А., автор текста и рисунков, 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

По-своему взирая

1

По-своему взирая без конца
На дни существования земного,
Не сходятся воззрения творца
Со взглядами натурщика честного.

Прекрасной жизнь усматривать ему
При всех её, конечно, недостатках
И вечности достойной потому,
Не гибели в грехах и беспорядках.

А миру занижается цена —
Бесовские берутся разговоры:
Дурным его зовёт и сатана.

То многое, что ведали притворы
Пороком и неправой суетой,
Художники считали красотой.

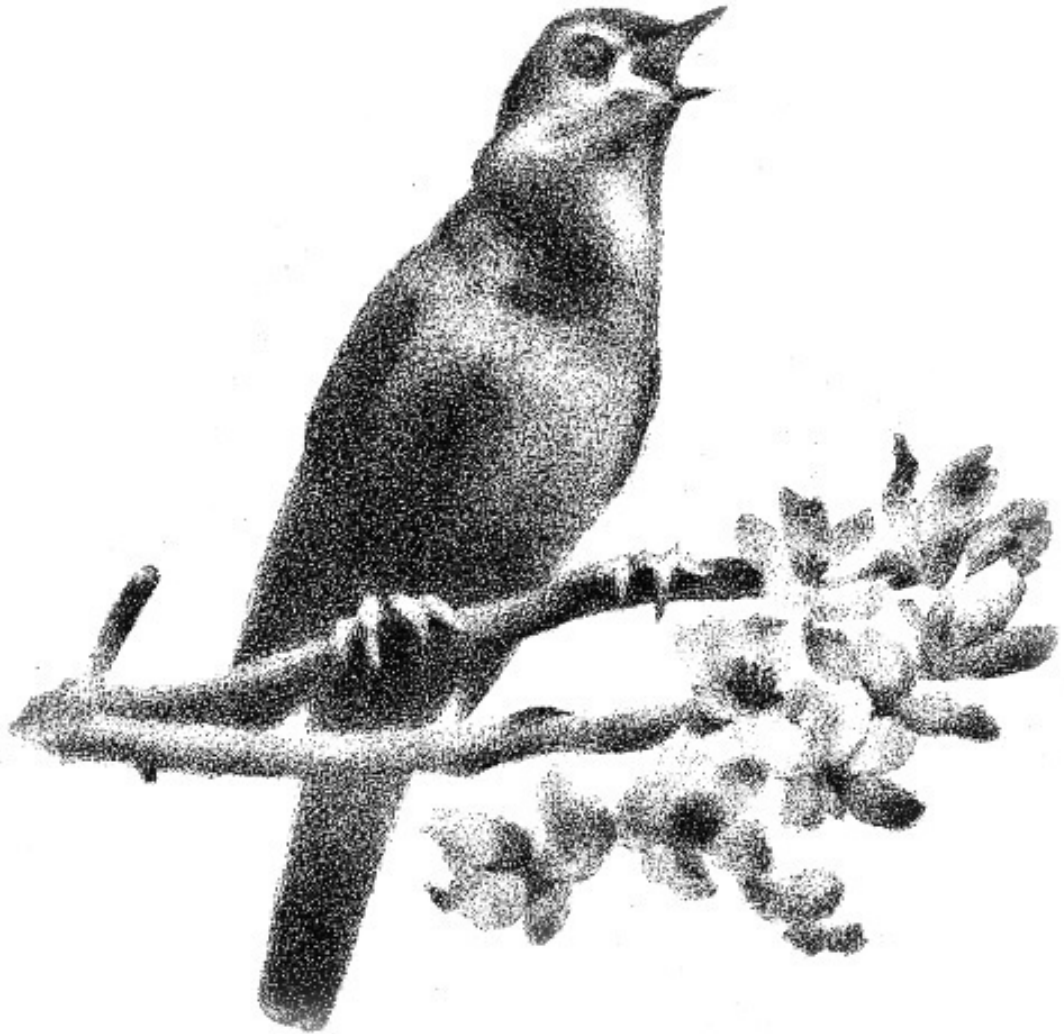
2

Сводить определялось Илии
Детей с отцами проповедью ладной —
К тому ли вёл усилия свои,
Кто Сыну Бога путь являл отрадный?

Судил, однако, зорко Назорей
По поводу пропащего наружно:
Представил он округе дикарей,
Что делать Илии бывало нужно.

При нём уста сердечные к отцу
Чудесно возымела Саломея,
Души придав отцовскому лицу.

Для Господа стези торить умея,
Нередко без излишества затей
Родителей сводили и детей.

3

Не зря, не бесполезно чтит Его,
Кто собственным уставом обладает;
А Книгу не писало Божество,
От авторов иных она страдает.

Кто речью Бога мнил уста свои,
Все вряд ли исполнял императивы —

Пред ними люди слабы в бытии,
Чернила не вполне строкой правдивы.

Библейское художество корю:
В нём Отче наш ужасней Люцифера,
Чудовищу сродни и дикарю.

Держаться своего судила вера —
Любить и рад я только своего,
С добром отождествляя нрав Его.

4

Могла ли взяться плоть у Божества,
Которая была б Ему враждебна?
Плоть, ищущая счастья, такова,
Какой она Творцу благопотребна.

Когда ж её желания влекли
Противиться внушениям амвона,
То разные создатели могли
Существовать у плоти и Закона.

Коль скоро люб юдольный мир Ему,
То миру быть иным едва ли надо:
Наверно, лучший выси ни к чему.

Уж если нам Отцово сердце радо,
Свой грешный мир отечески любя,
Любить и грех умеют, и тебя.

5

Доску разнёс о камни Моисей —
Поверю ль я, что не было подлога,
Что важные слова святыни сей
Могли нарисоваться дланью Бога?

Вожатый не решился бы тогда
На действие своё во гневе даже —
Возникла ж если данная беда,
Другое мнится в горестной пропаже.

Безудержно, с решительностью всей
Свою лишь истребляли писанину.
Свою не пощадил и Моисей.

Наверное, входившие в общину

Подвергли смеху старца своего —
Вот и погибло детище его.

6

Случилось обличиться во грехе
По воле Бога паре подопечной,
Согласно чтоб известной чепухе
Лишить Адама с Евой жизни вечной.

Бессмертие сулилось иногда,
Но только на словах им, а реально
Могло ли быть отпущено когда
Для смерти сотворённым изначально?

Вещал Он из участия тепло,
Общаться не старался по-другому,
Что долго продолжаться не могло.

Для самооправдания Благому
Легло грехопадение детей,
Не скрыв Его руки в игре страстей.

7

Единогo запрета своего
Сознание в раю не принимало,
Дефектные потомки же его
Запретов обрели весьма немало.

Неужто все блюсти берёшься ты?
Владея делом, это крайне сложно.
В обходах установленной черты
Незримо совершенствоваться можно.

Даётся вместе с этим и тебе
Любить установления благие,
Нести поддержку нужной городьбе.

Но рамками не держатся другие.
Готов ограничения блюсти
Порой лишь ограниченный, прости.

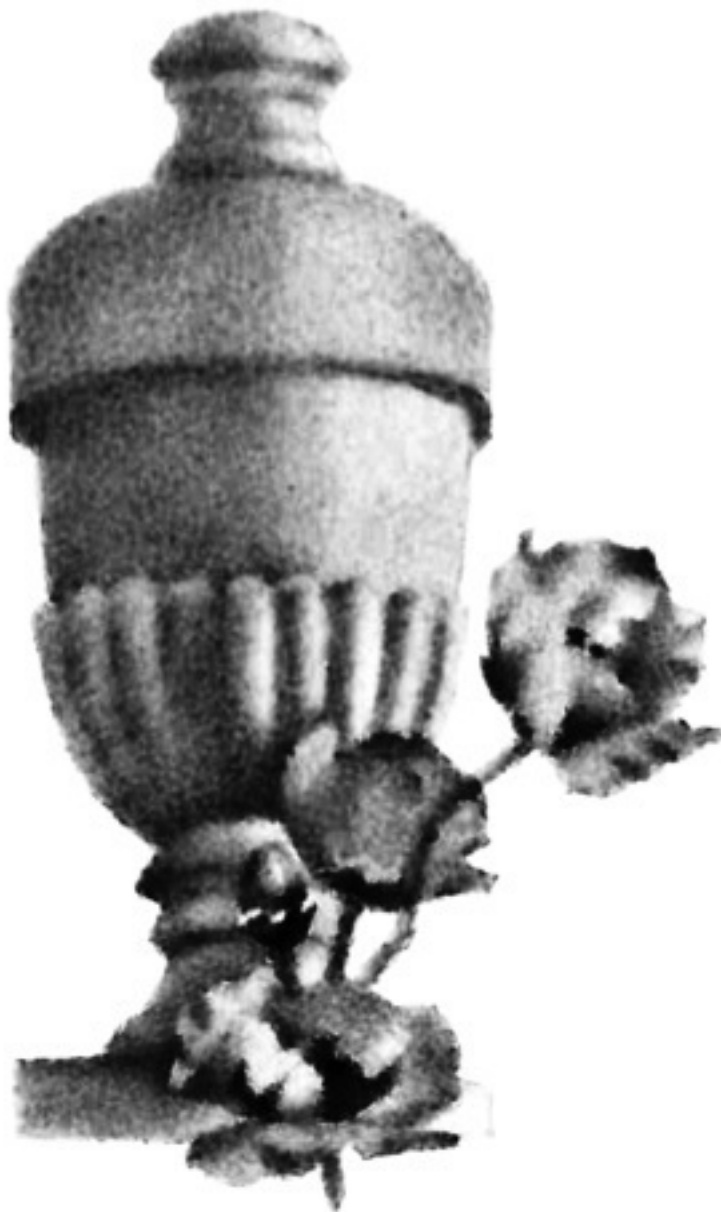
8

Не бойся, кроме Бога, никого —
То сказано по Ветхому завету?
Ну вот и дикость авторов его
Отвергни, как фальшивую монету.

Создателя вполне боимся мы,
С ответственностью взвешивая слово,
Высвечивая честно мысль из тьмы,
Владея волей к истине толково.

По Книге, за любую дурноту
Принять иль умерщвление камнями,
Иль огненного места маету.

Как следствие, в огне былыми днями
Людей без счёта заживо сожгли,
Сомнительной же Книгу не сочли!

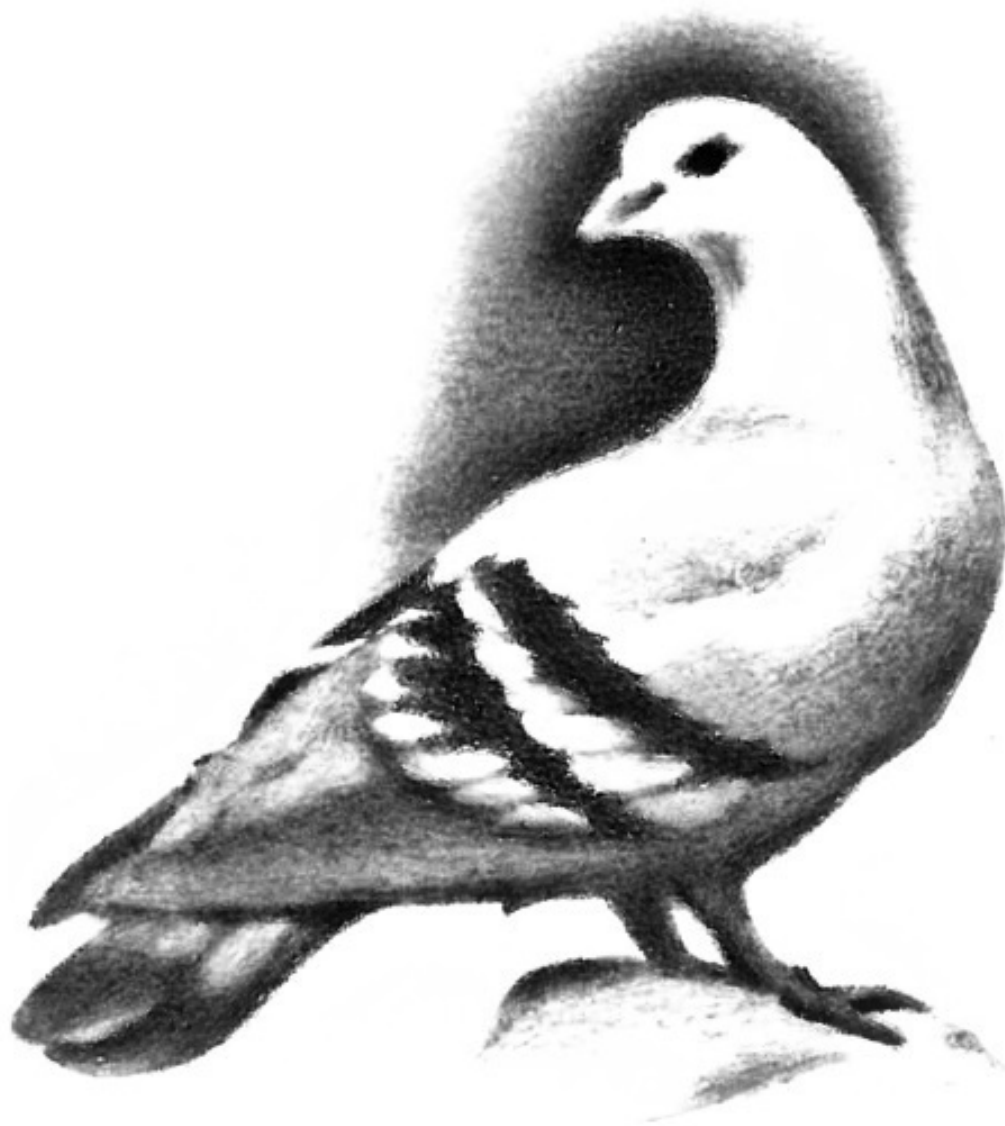
9

Кто спора не держал из-за неё?
Сама ведь эта Книга крайне спорна:
Враждебно жизни данное старьё,
Но часть его науки животворна.

Находим, изучая Книгу, мы
В ней с ядами лекарства дорогие.
В укор ей жесточайше гибли тьмы,
Спасались ей во славу тьмы другие.

Писали Книгу нищие, скорей,
Стремление к величию лелея
С огромными запросами царей.

Мёд истины, по ней, для дуралея,
Но также нужной быть она могла
Для Князя жизни и для князя зла!

10

Всегда сродни святому существу
Не мог Он обнаруживаться то же.
Претило низовому большинству
Дознаться в Нём особенного всё же.

Святой, по представлению людей,
Предъявит абсолютно всё прекрасно.
Верёвками разя, что связкой змей,
Благословенный действовал ужасно.

Бесславил Он обычай старины —
Темнели изгоняемые лица,
Бичей не понимая без вины.

Менялы не могли тогда не злиться:
Столы поверг Устроивший скандал,
А деньги все рассыпал и смешал!

11

Ужасному бесчинству рук Его
Последует едва ли кто спокойно,

Прямое же, наверно, Божество
Повсюду подражания достойно.

Однако применения бичей
Гнушался тонко чувствующий брата,
Где можно было малостью речей
Потребного добиться результата.

Держали там и птицу взаперти.
К её торговцам устно обратился
Велевший клетки мигом унести.

Но с совестью кто только ни простился —
Не зря на нашей трудной стороне
Хранится сила грубая в цене!

Где жажда невозможного остра,
Сознание недоли донимало;
Желая же реального добра,
Дано приобретать его немало.

Любви существовать игрой позволь:
Отсутствовать ей можно меж иными,
Но всякий лицедей, приемля роль,
Эмоциями полнился хмельными.

Не сетуй, удовольствие лови
В игре, напоминающей прекрасно
Волнение действительной любви.

Где радостей больших искать опасно,
Скупыми насыщаешься вполне,
Пускай на самой скромной стороне.

13

Меж извергами, сеющими ложь,
И сеющими благо простаками
Великую борьбу всегда найдёшь,
А кто меж основными игроками?

Все те, кому чуждаться по судьбе
Враждующих издревле непреложно,
Кому в идейно-бешеной борьбе
Толково находиться вряд ли можно.

Переча вере, ведают они,

Что, кроме тени в жизни, кроме света,
Хранятся полутени искони.

Ну вот и в полусне нейтралитета
Химерного не скрыто ничего,
Хоть именно химерой мнят его.

14

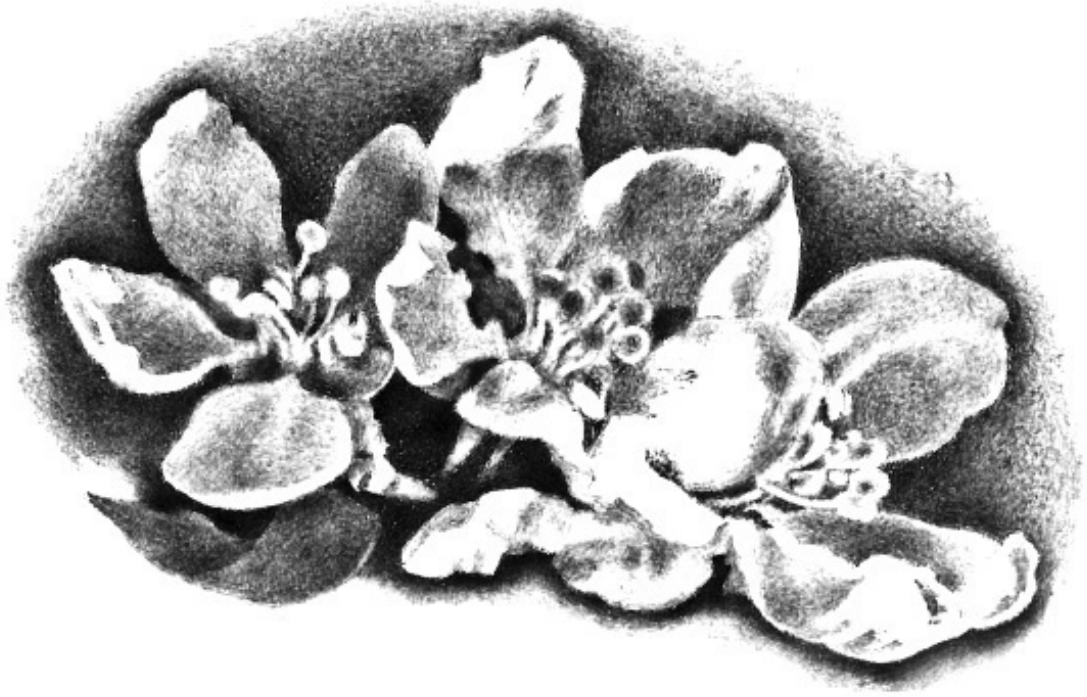
Гармония впивается всегда
Поверхностно читающими Слово,
Но зрима разногласий чехарда
В нём оку, что не вовсе бестолково.

Порой тому найти не тяжело,
Что сутью Бога бодрствует извечно
Не злая справедливость, а тепло,

Что праведное небо человечно.

Любовь и дума в царстве суеты
Виной Творца не ладят ежечасно,
Но ради наивысшей доброты.

Мы сердимся, а как оно прекрасно,
Что может открываться вновь и вновь
Его неправосудие – любовь!

15

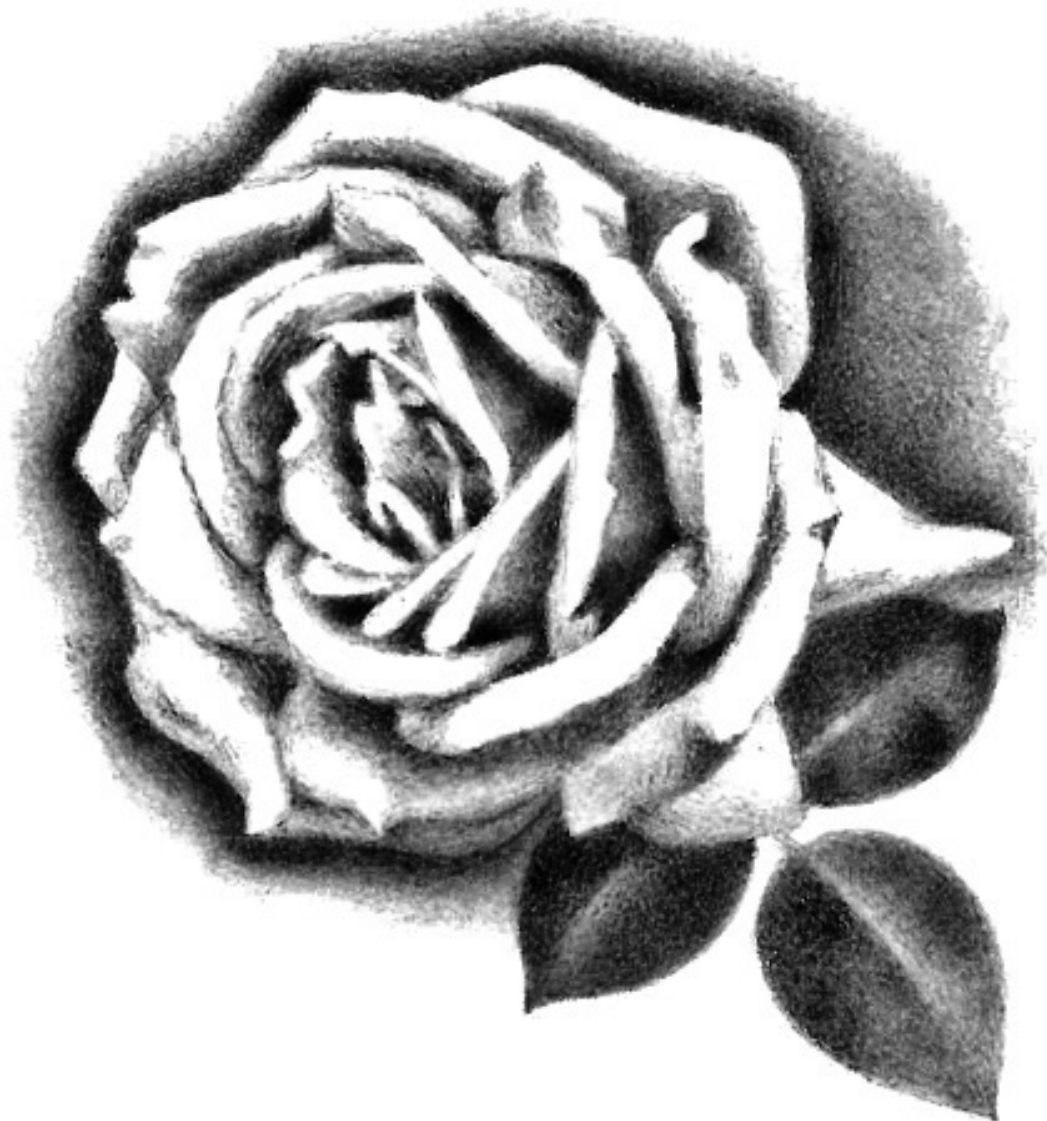
Уж если не давалось яств Ему,
То чем угодно было пробавляться?
Господь господ, уча других уму,
Слугою слуг искал у них являться:

Делить их огорчения в тиши,
Своей корыстью жертвенно скудея;
Томиться часто бурями души,
Собой вполне достаточно владея.

Жалеть умел Он искренно того,
Кто в мире никакой не знал опоры,
Кто с болью знался более всего.

Малейшее ценили чьи-то взоры:

Сердечного даяния краса
Нередко возрастала в чудеса.

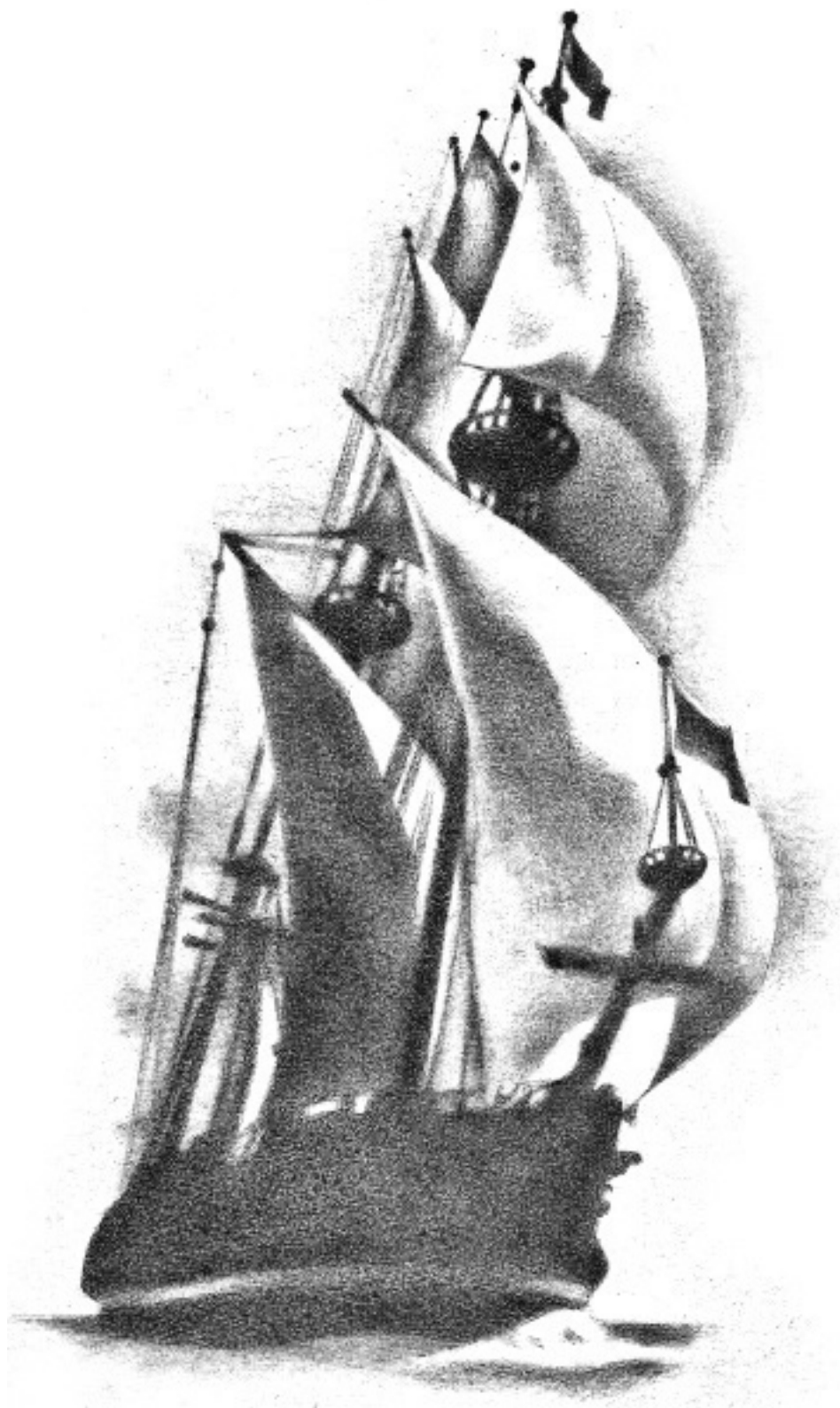
16

Легко ценить, увы, совсем иных
И чуждыми прельщаться берегами.
Трудней любить отпущено родных:
Они способны чудиться врагами.

Таковыми знал их ярый Моисей,
Мессия же, своё благовествуя,
Любить их изрекал округе всей,
Врагами не без шутки именуя.

Но так и признавал издавека,
Что холить их едва ли сердце радо,
Что нежность эта крайне нелегка.

Понятно по Нему, что нам и надо
Мучительно любить, а не легко,
Своих, а не того, кто далеко.

17

Пожертвовать отмерилось Ему
Прекрасным, а не подлинно разбойным,

И будто бы смягчиться потому
Над миром, истребления достойным.

Искал Он убожения себе
В ужасной пытке собственного Сына —
Поверю ль я подобной городье?
Пойму ль иначе бред иудаина?

Любому, чья разумна голова,
С аффектом откликаться глупо всё же
На связные, но дикие слова.

Стыдиться мне приходится похоже
Нешуточной полемики своей
На почве веры с архиверным ей.

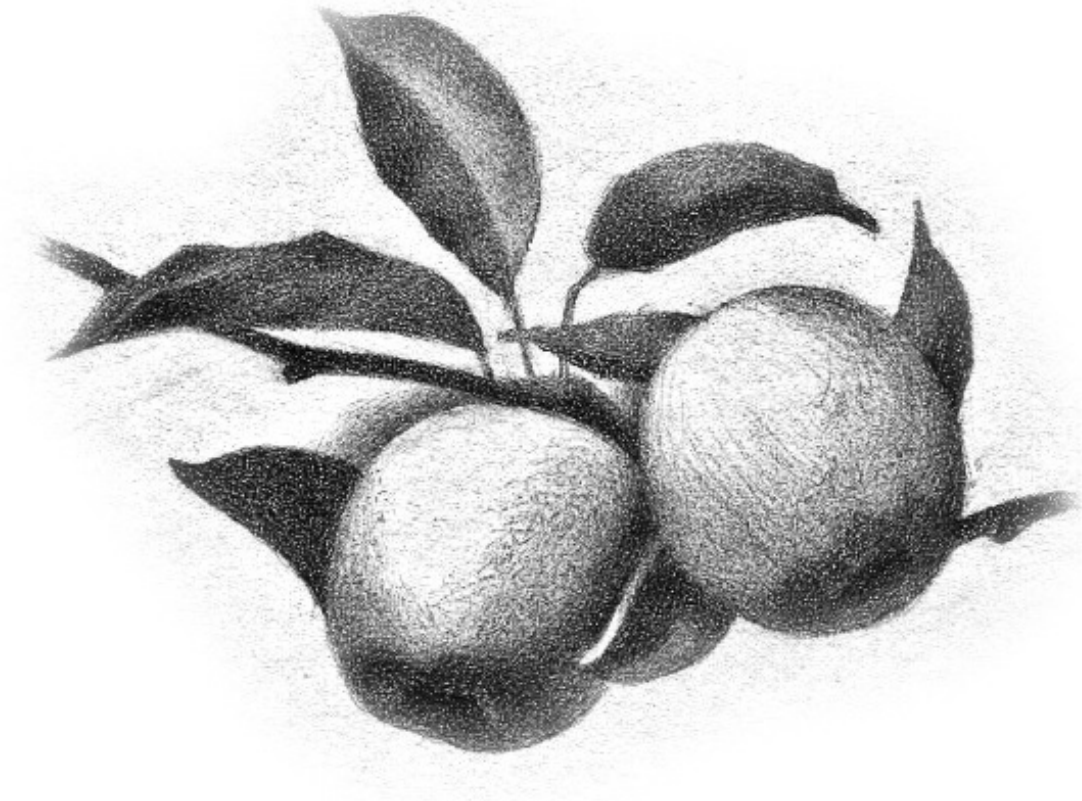
18

Смирение – не чудо красоты,
Когда за ним иное не таится.
А радовать умеешь, если ты
Взорвался, чтоб учтиво обратиться;

Бичуешь если барина в себе,
Родителей владыками считая;
Склоняешься ко старческой мольбе,
Не зря Сираха в Библии листая.

Смирение даётся нелегко,
Хотя бы смысл его первостепенный
Без лучших уст открылся глубоко.

Так Он, его глашатай несравненный,
Серчая на различные сердца,
Хулой не пощадил и деревца.

19

Мы ведаем от Агнца своего,
Что горе, где смирение в отсеве:
Бичу подверг – и Сам узнал его,
Проклявший древо кончился на древе.

Смоковница погибла без вины,
Гонимые торговцы пострадали,
Быкам удары были зря даны —
Даятелю подобных яств и дали.

Святому не простили ничего.
Отмерилось Ему усугублённо.
Терпимого, карали власть Его.

Взывает это к нам определённо.
Давай блюсти смиренными себя,
Христа за курс оплаченный любя!

20

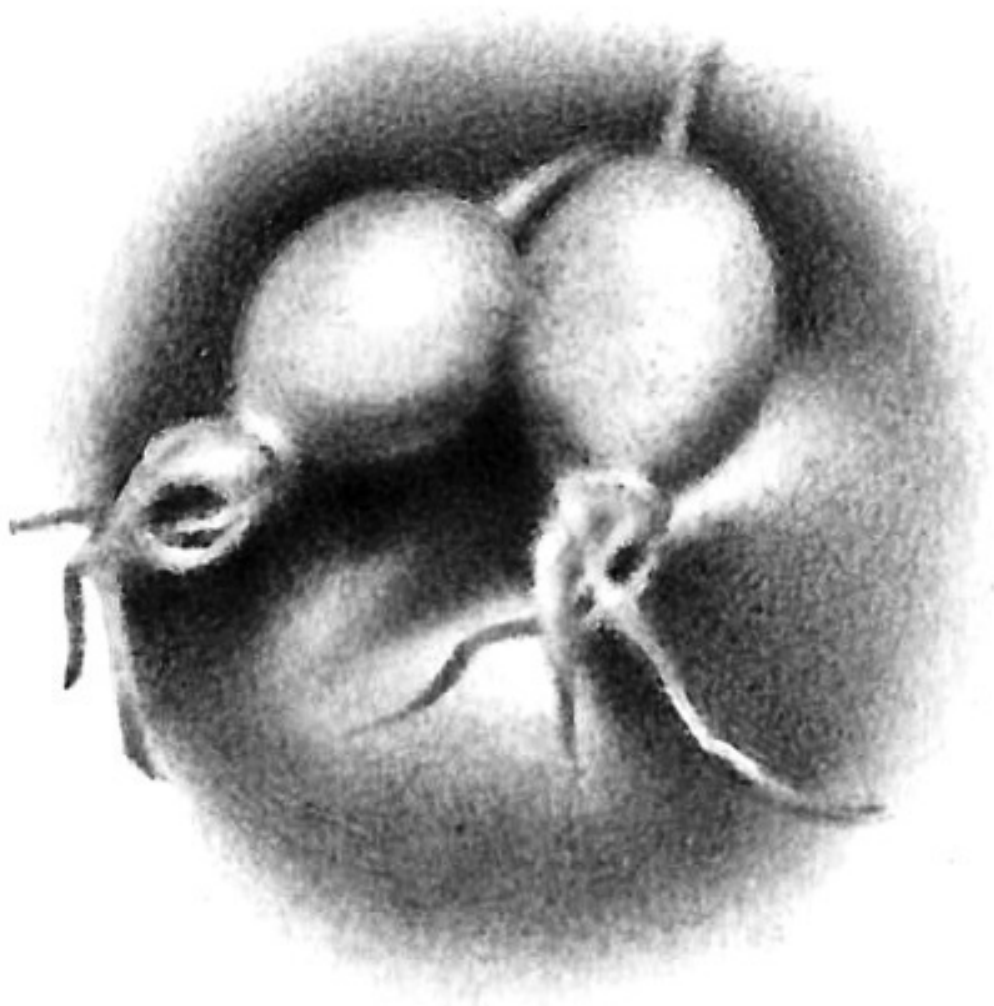
Храниться невредимыми могли,
В избытке благ имея правомерность,
А гибельные муки предпочли,
Светилам обнаруживая верность.

Отказывая в милости тому,
Гласило небо миру неустройства,
Что подвиги такие ни к чему,

Что здравый смысл угоднее геройства.

Но разве здравомыслия добыть?
Открыли мы Святому Духу двери,
Мудрей с Его подмогой чтобы быть.

Отваги не доказывали звери,
Хранили зримой трезвостью себя.
А мы себя казним, её губя.

21

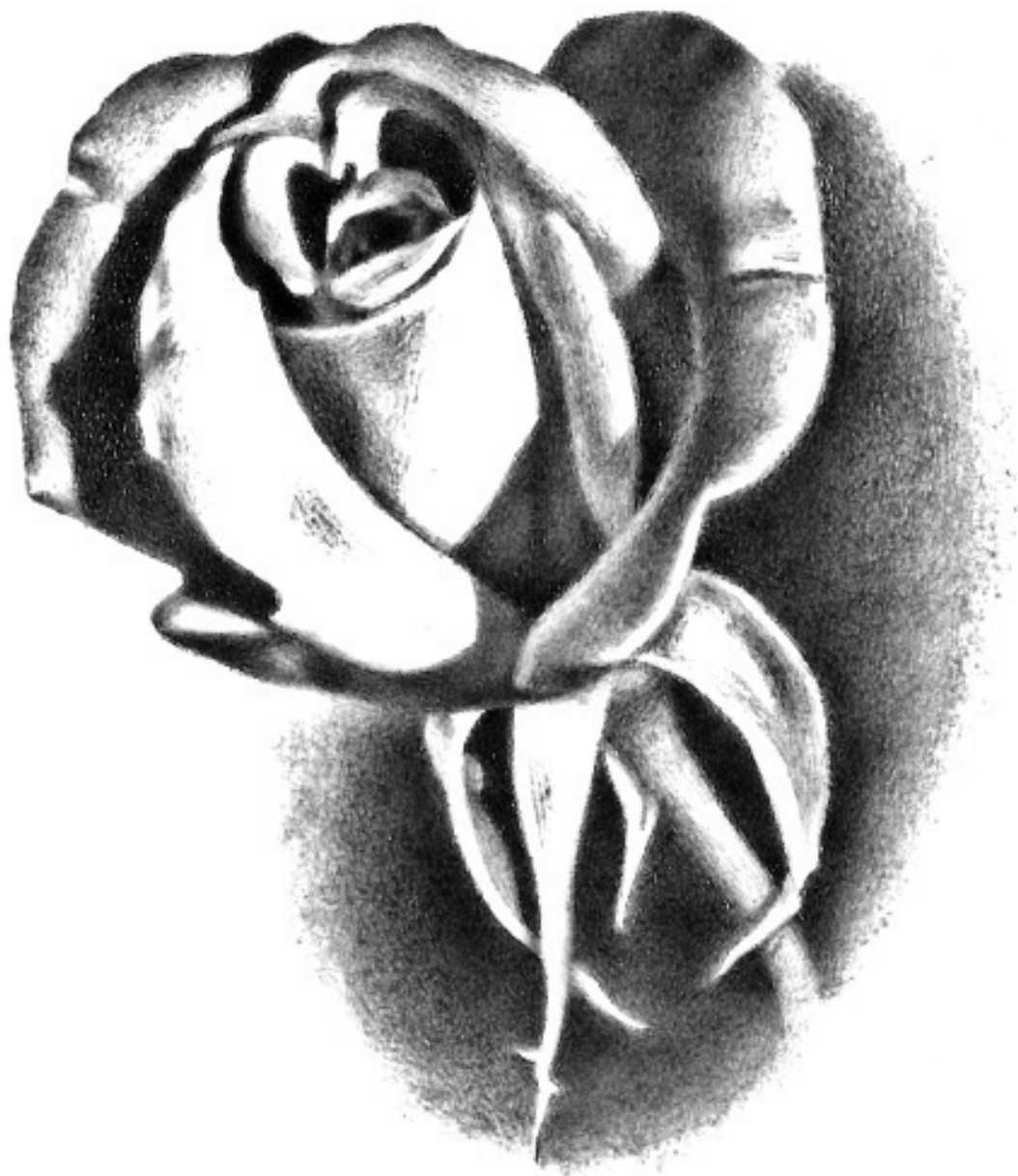
Позора не боится страшный зверь,
А ты боишься речи фарисея,
Но встарь ему подобные, поверь,

Отправили на крест и Назорея.

Понятия шального петуха
Подводят искони того-другого,
Где храбрость – от зачинщика греха,
А здравый смысл – от Господа благого.

Монарх у Повелителя светил
Испрашивал ума, а не отваги —
И тем Его к себе расположил.

Иное безо всякой передряги
Волшебно Соломону в руки шло,
Безмолвно славя мудрое чело.

22

Затем и возлюбили предки тьму,
Что князя тьмы сначала возлюбили,
Что княжеское слово, ко всему,
Красой непогрешимой объявили.

Но как же стали милыми рога?
Запутывался всякий непомерно,
Поскольку начертания врага
По-доброму рекли подчас и верно.

Благим узрели псевдобожество,
Любви к нему по праву не гасили,
Любя же, легче слушались его.

Сиял он, если все его любили:
Казаться только злым ему нельзя,
Хорошей речью лгать – его стезя.

Крупичи безусловной правоты,
Знакомые по Книге величавой,
Ценить умеют очи суеты —
Не ценит их единственно лукавый.

Нельзя творить убийства, по нему,
Но сам он их и требует извечно
В объёмах, изменяющих уму,
Во злобе, всеразящей бессердечно.

Потрудимся в сознание войти,
Что прочие все заповеди тоже
По сей подсказке строго не блюсти.

Субботняя других едва ли строже,
Тем более что внемлющим она
Не самой первой в перечне дана.

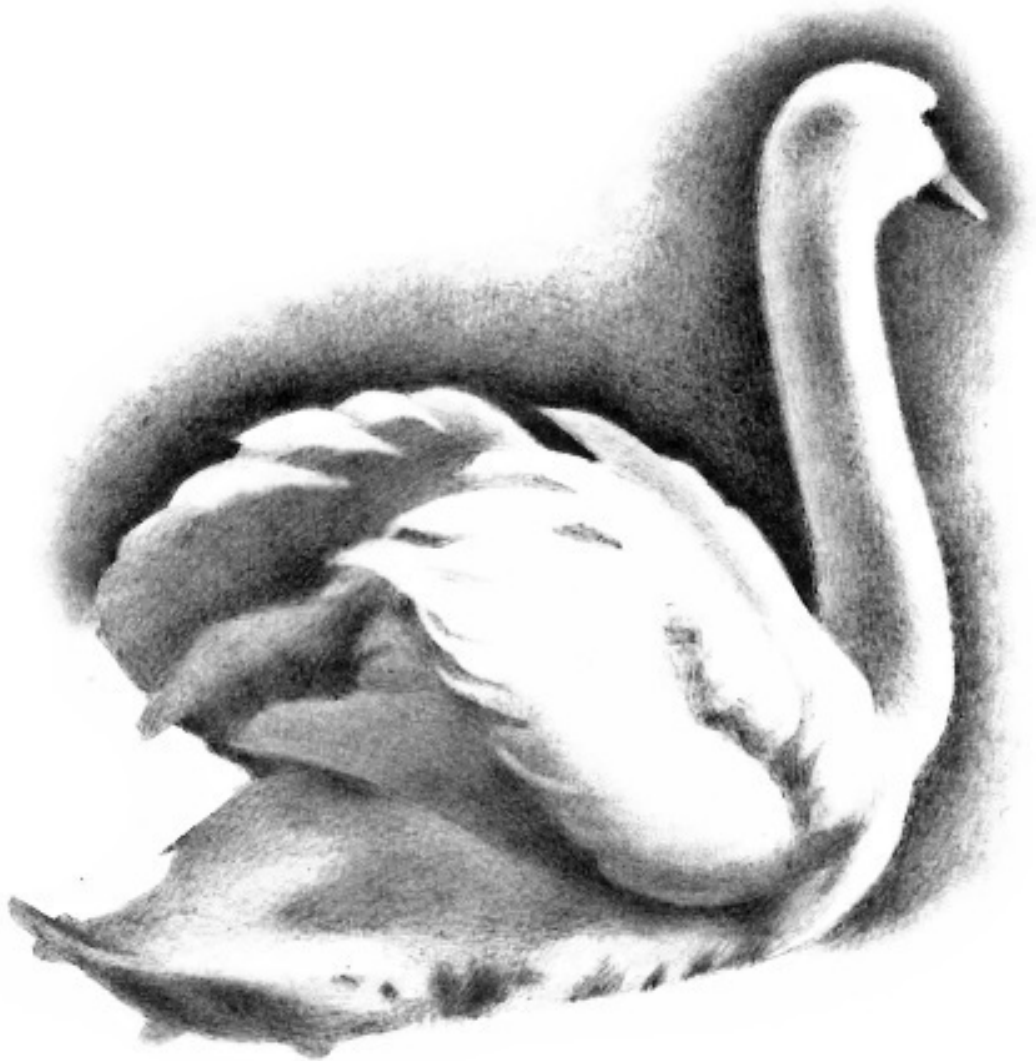
24

Сказал учёный в древности глухой,
Что верные слова дороже друга.
Перечить этой фразе неплохой
Веками не бралась и вскользь округа.

Познание добавило поздней,
С уверенностью, впрочем, еле зримой,
Что наши крохи истины – ценней
Не только друга – может, и любимой.

Но всё перевернули времена:
Наука, не смывающая грязи,
Былого пиетета лишена.

Признание нашли святые связи.
Способны сомневаться в них умы,
Но с ними лучше делаемся мы.

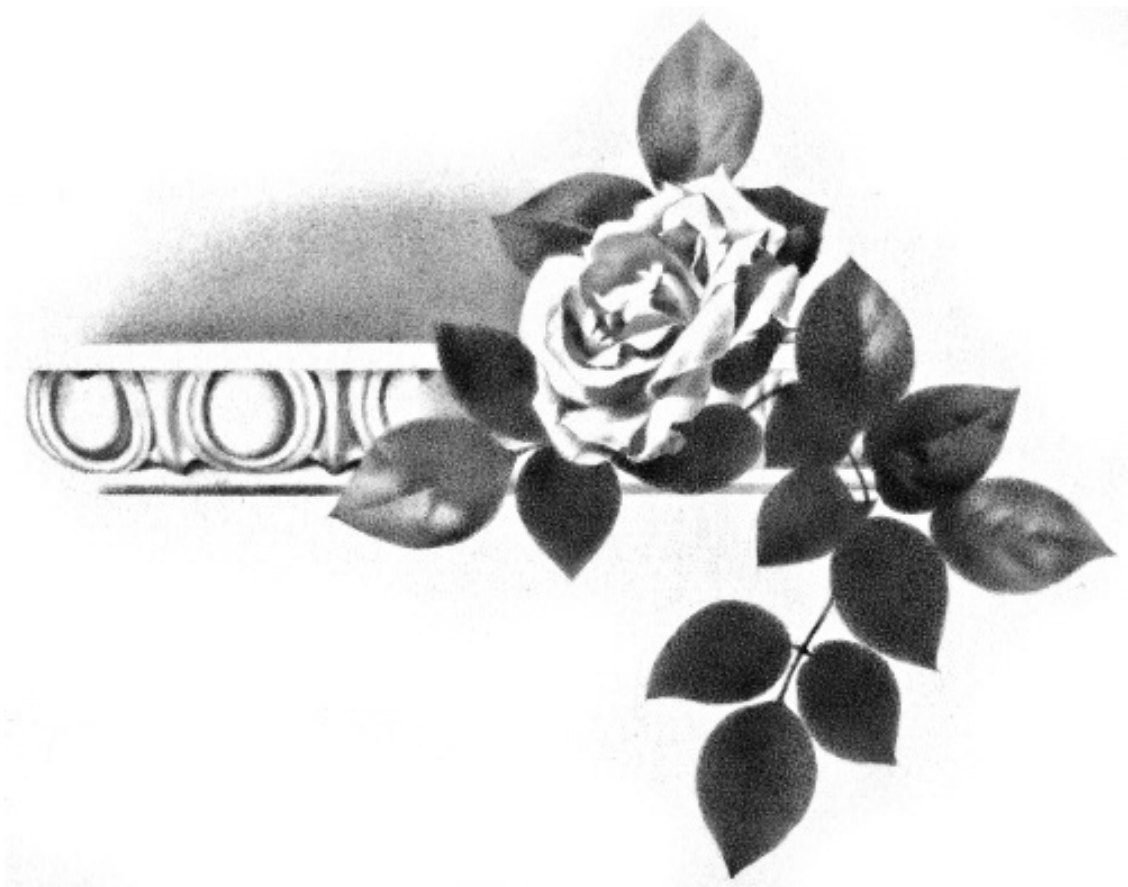
25

Что не роняло Высшего лица,
Во грех Адаму с Евой то вменилось.
А худо ли блюсти пример Отца?
Не свято ли, что с Ним укоренилось?

Абсурдно воздаяние прошло,
Но скорби никого не посещали,
Благим обозначаться всё могло,
Двойные же стандарты не смущали.

Но что вредит их истинной красе?
Возможно разве жить едино, цельно,
Глася, что одинаковы мы все?

На деле мы различны беспредельно.
Границы, разделения нужны,
Чтоб избегать объятий сатаны.

26

Внушает, очевидно, правота,
Что самой сутью Нового Завета
Дается начертание креста
На переплёте сумрачного цвета.

Что ношей вменено твоей судьбе,
Неси не без Отеческой подмоги —
И вечный рай представится тебе.
Но что такое крестные тревоги?

Как я самостоятельно пойму,
Так и посмею строки ведать эти,
Не внемля мало-мальски никому.

Крест – это, мне сдаётся, наши дети,
Родители, супруги и страна.
Бросать их – однозначная вина.

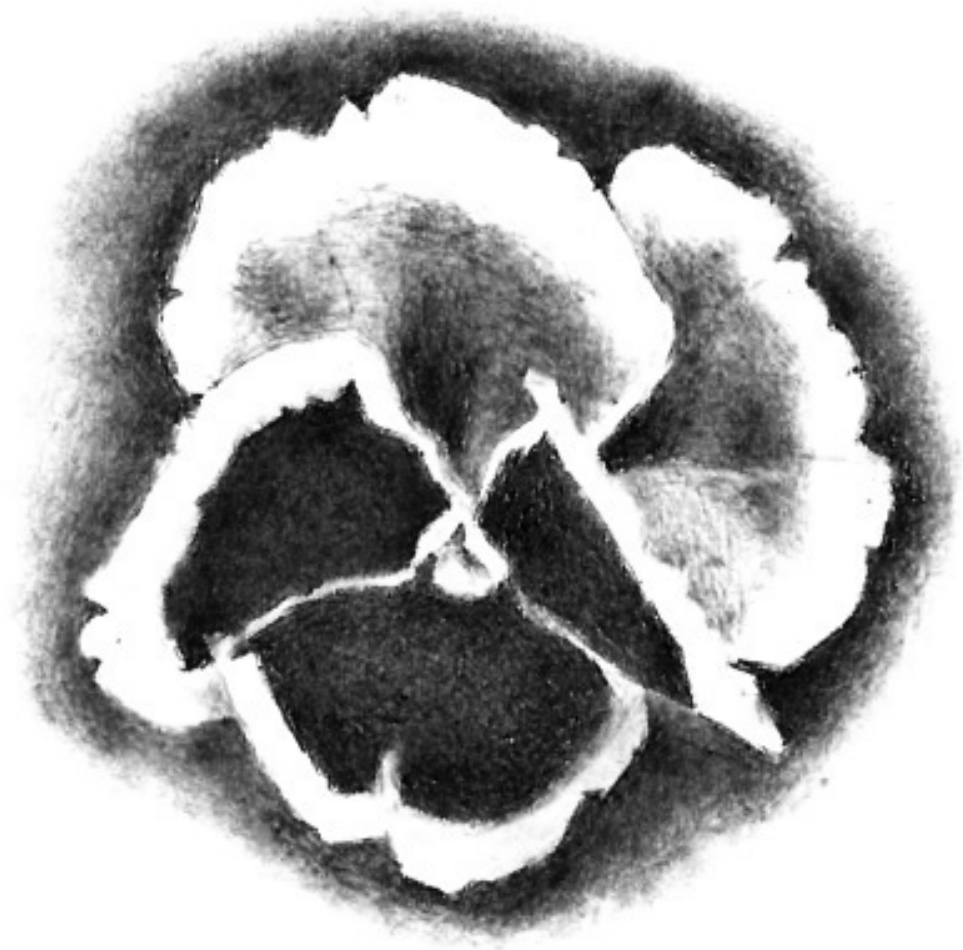

Неистово открещивался чтец
От этой Книги ложно-безобразной.
Отец их и Спасителей Отец
Отчётливо владели сутью разной.

Один искал у смертного любви,
Другой – боязни самой беспредельной;
Зиждителем – единого зови,
Другого – князем яви подземельной.

Всех отчески любило Божество.
Лукавому любимцы подпевали,
Бытуя в истребителях его.

Соседи с ними плохо вековали.
Но звали чтоб объятия лгуна,
Назвался Богом ярый сатана.

28

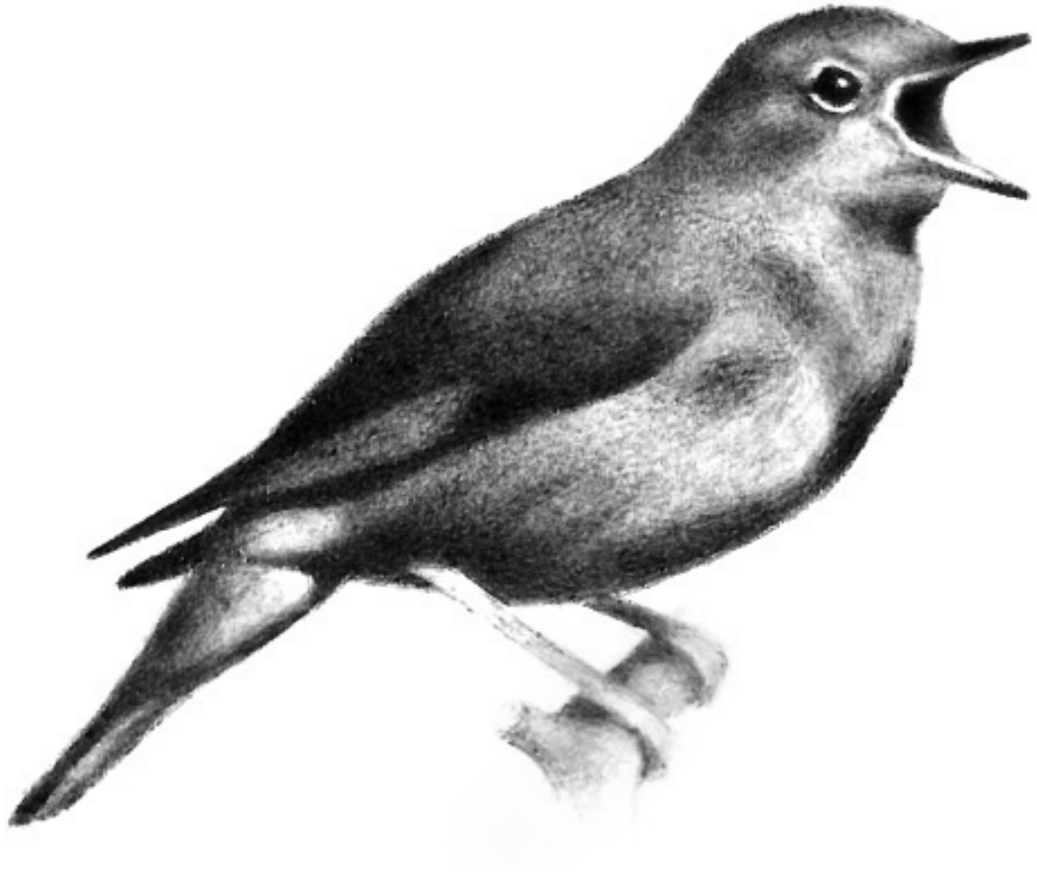
То счастье, что не знать ему тюрьмы
Глухое лишь укрытие судило,
К нему расположило князя тьмы,
Главой народа сделать убедило.

Оправдывать убийцу ни к чему,
Но можно без морального банкротства:
Хвала за преступление ему,
Что радует окраской благородства.

Для родственного он эгидой стал,
Однако безупречности лишился,
Вперёд о высшей доле не мечтал.

И княжий выбор ясно совершился,

Злодея дал Израилю злодей,
Святого же – Святейший, но поздней.

29

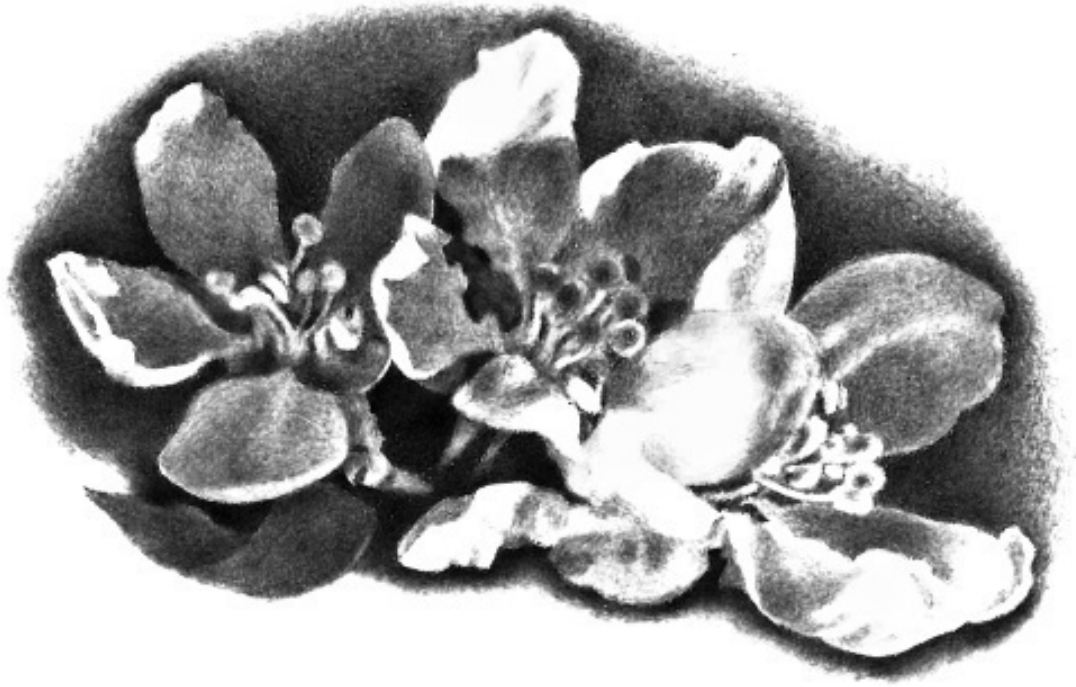
Кругом они роптали на вождя,
А дьявола не жаловали дюже,
Мистическое рабство находя
Во много раз египетского хуже.

Но чтили книги дьявольские те,
В согласии с которыми другие
Спасителя распяли на кресте,
Сожгли живыми сонмища людские.

Доказывая лютость их Отца,
Занятие досрочно бросишь это,
Поскольку не видать ему конца.

Минуя сатану, могли ли где-то

Наследники Иакова в пути
Себе благословение найти?

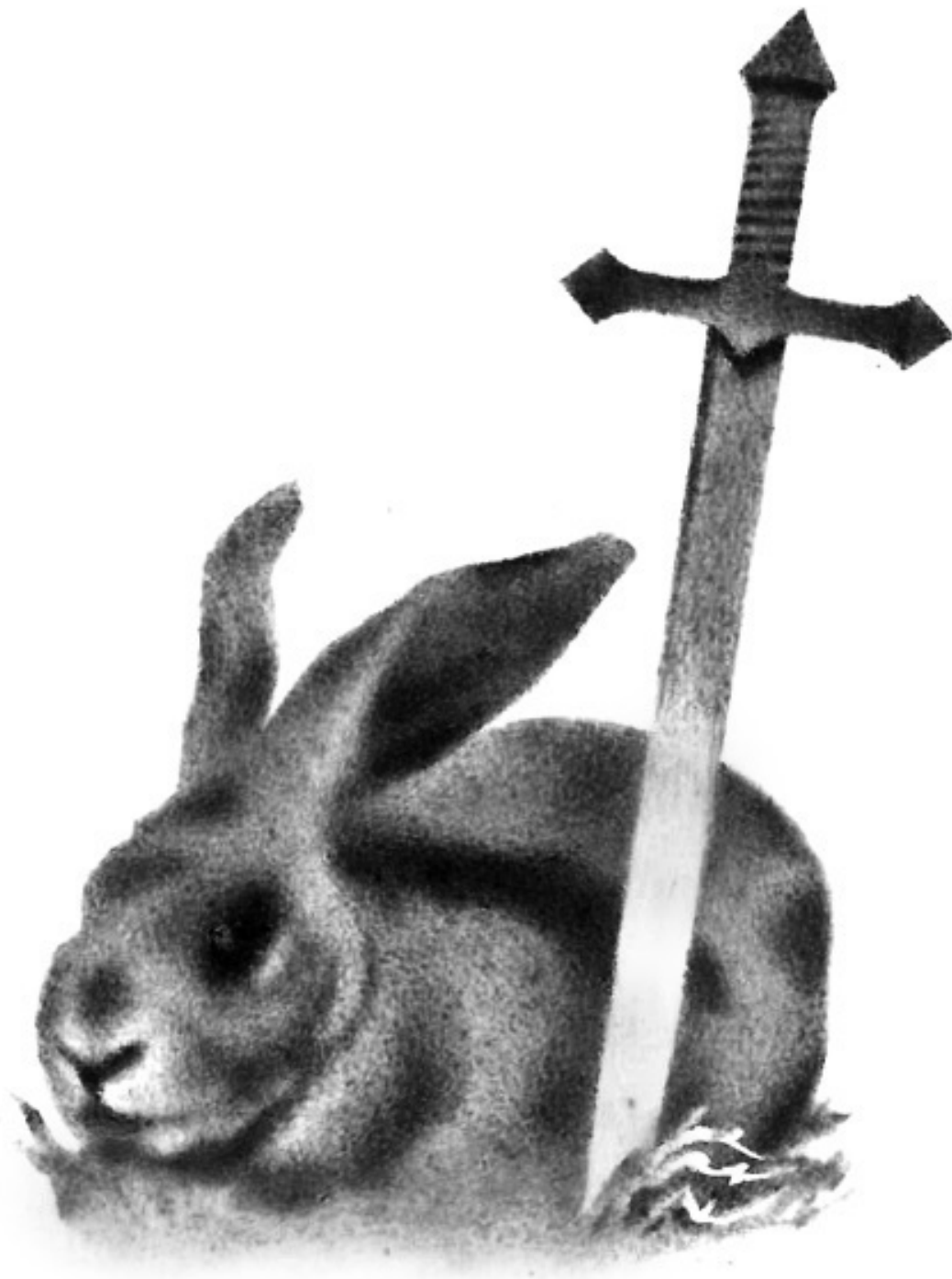
30

Лукавое вдохнуло существо
Своё в Десятисловие витии,
Подкладка чтоб имелась у него
Для пагубы грядущего Мессии.

Когда б они блюли галиматью,
Припало б им убить и Приснодеву,
Что ровную забыла колею,
Что вряд ли смела радоваться чреву.

Лелея зоркость ока своего,
Готовил искунитель это горе,
Но сбился, слава Богу, план его.

Писание же слёз исторгло море,
В нём острая сквозила маета
Для мира, для Марии, для Христа.

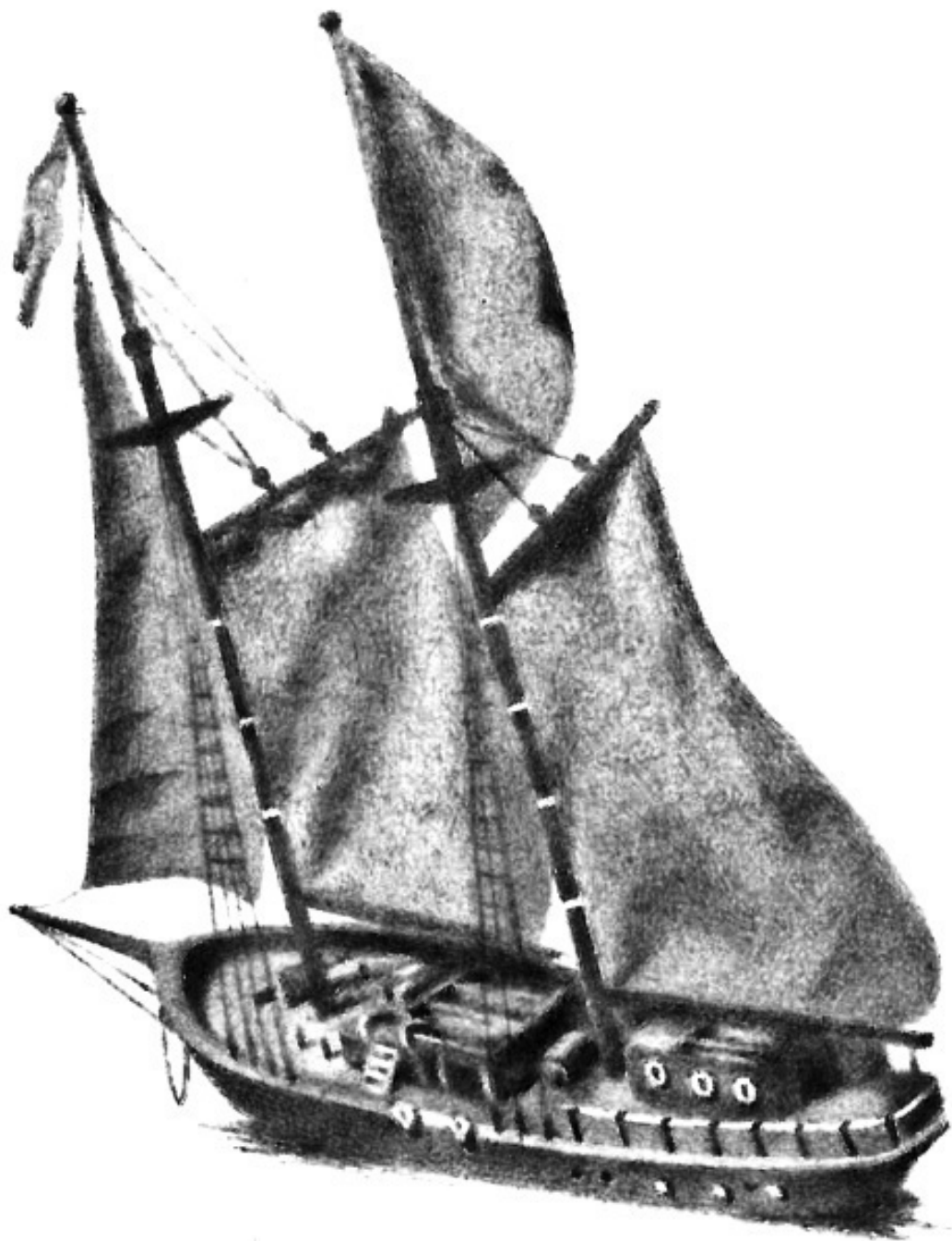
31

Хозяином имея Божество,
Вполне принадлежа к Его народу,
Посланника восславили б Его —
Распяли же лукавому в угоду.

Глаза превратней стали неспроста,
Бесчувствие сердца завоевало —
По воле, что от века нечиста,
Никак иначе в мире не бывало.

Отцу дороже те скорей всего,
Что Сына чтили, всё меняя круто,
Хоть истинно не всё в устах Его:

Когда раздашь имение кому-то,
Не вправду лучшим явишься на том,
А точным идиотом и шутком.

32

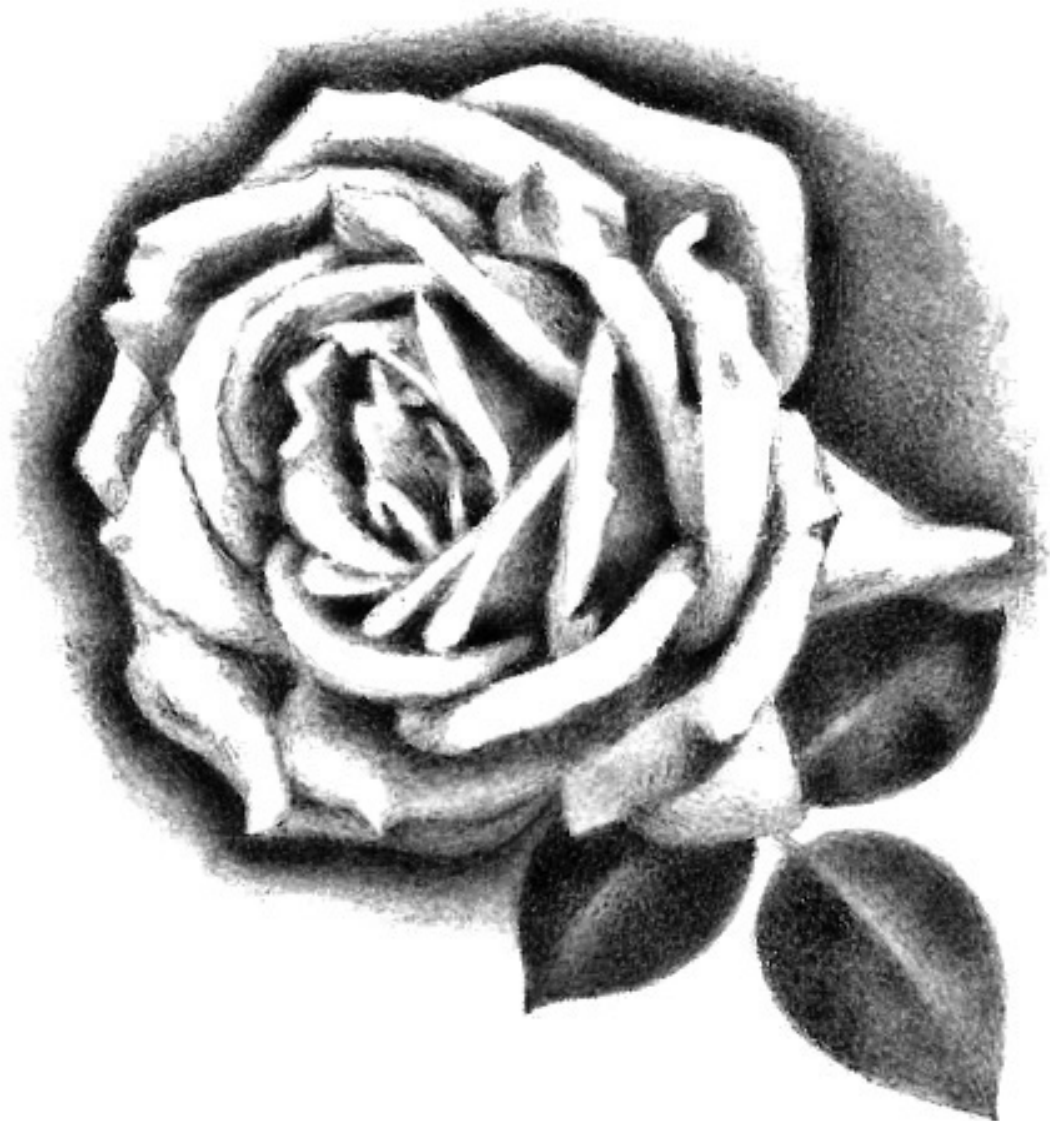
Учителя почтив, ученики
Расслабленного подняли чудесно.
В них ангелов узрели все зрочки,
И честь им оказали полновесно.

Отдельного деяния краса
Людей Коринфа крайне поразила,

А где-то за такие чудеса
Распяла Чудотворца злая сила.

Поверили в Израиле легко
Тому, кто прежде вырвал их из дому
Призывами на мёд и молоко.

Всегда по легковерию худому
Становятся рабами сатаны —
Сомнений мы гнушаться не должны.

Пленяющийся прелестью святой,
Вымалывать у звезд её дерзая,
Вверяется молитве непустой,
На действия благие притязая.

Чуждаться христианства ни к чему,
Но где-то лучше с ним и расходиться.
А надо соответствовать ему,
Где нам оно действительно годится.

Воссозданные речи Раввуни
Критически читая многократно,
Как веру, так и мнение храни.

Но в мире вообще всё так отвратно,
Что любит око наше неспроста
Марию лишь и Господа Христа.

34

Цветок, яносящий в чести,
Корнями безобразными родился.
Святыми корни лилии найти
Никто, помимо Павла, не трудился.

Цветы же лилий в устной городьбе

Мы хвалим и без надобности сушей.
Что корни иудейские тебе,
Цветами христианскими живущий?

Мы в них имеем явственно своё:
Картины Тициана, звуки Баха,
Перо святой Терезы из Лизьё...

Не видя в европейской вере краха,
Забуть её мы вовсе не должны
Для древней веры нашей стороны.

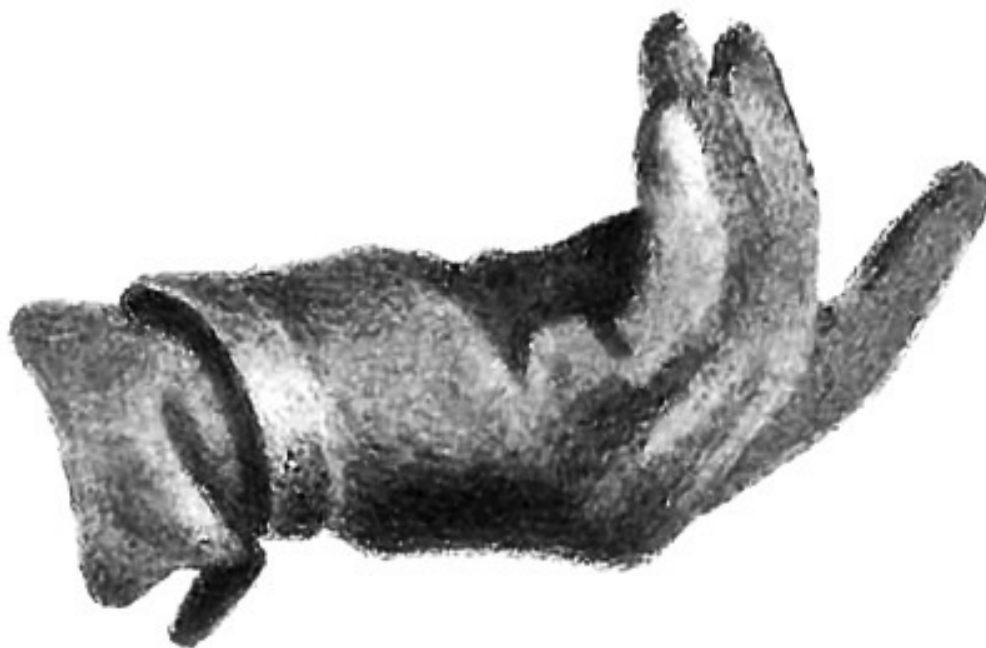
Где гласности свой виден апогей,
Не вправе ли писать я всё свободно,

Что любо точке зрения моей,
Что совести моей благоугодно?

Безудержной свободы не добыть,
Амвона ж если хочется касаться,
Свободе только полной должно быть,
И незачем ошибок опасаться.

Чья проповедь особенно верна?
Где речи безошибочные льются?
С науками лишь истина дружна.

Анналы не священными сдаются,
А больше недоказанными всё ж
И, видимо, ошибочными сплошь.

36

Ответственной ли древние слова,
Дано ли что-то свыше в них юдоли,
Своей ли речи нет у Божества,
Верны ли толмачи небесной воли?

Рекло своей бы речью Божество,

Своей бы кистью что-то начертало,
Желая, чтоб узнало большинство,
Что капли бы сомнений не питало.

Важнейшее доверить одному —
Не так же это разве безрассудно,
Как верить откровению тому?

Доверишься кому-то непробудно —
Тебя легко посмеют обвести:
Лжецу нельзя границ изобрести.

37

И чувства лгут, и мысли, и глаза.
Прислушиваться к общей лжи довольно!
Держит одинокая лоза
Владеть известной верой своевольно.

Кто более всего перечит ей?
На вере паразитствующий зримо.
Но сколько обретается людей —
И верований столько допустимо.

Что с высью наяву сопряжено,
Красой вовеки будет уникально,
Для всех абсурдно, всякому чудно.

Где мало кабалящих аномально?
В духовной же повинны кабале
Жестокие святоши на земле.

38

Великой веры пыл им искони
Глубокого мышления дороже,
Но лучше ли мошенников они,
Желающих от публики того же?

В душе не шевелится ничего
По действию весьма высокой сферы,
Что знала встарь обманщиком Его,
Глашатая такой прекрасной веры.

Понятно, что обычные лгуны
Вовеки не могли идти на муку
За помыслы сомнительной цены.

Не будь Его мытарств, Его науку
Давно б отвергли, ведая в ней то,
Чему не даст исполниться никто.

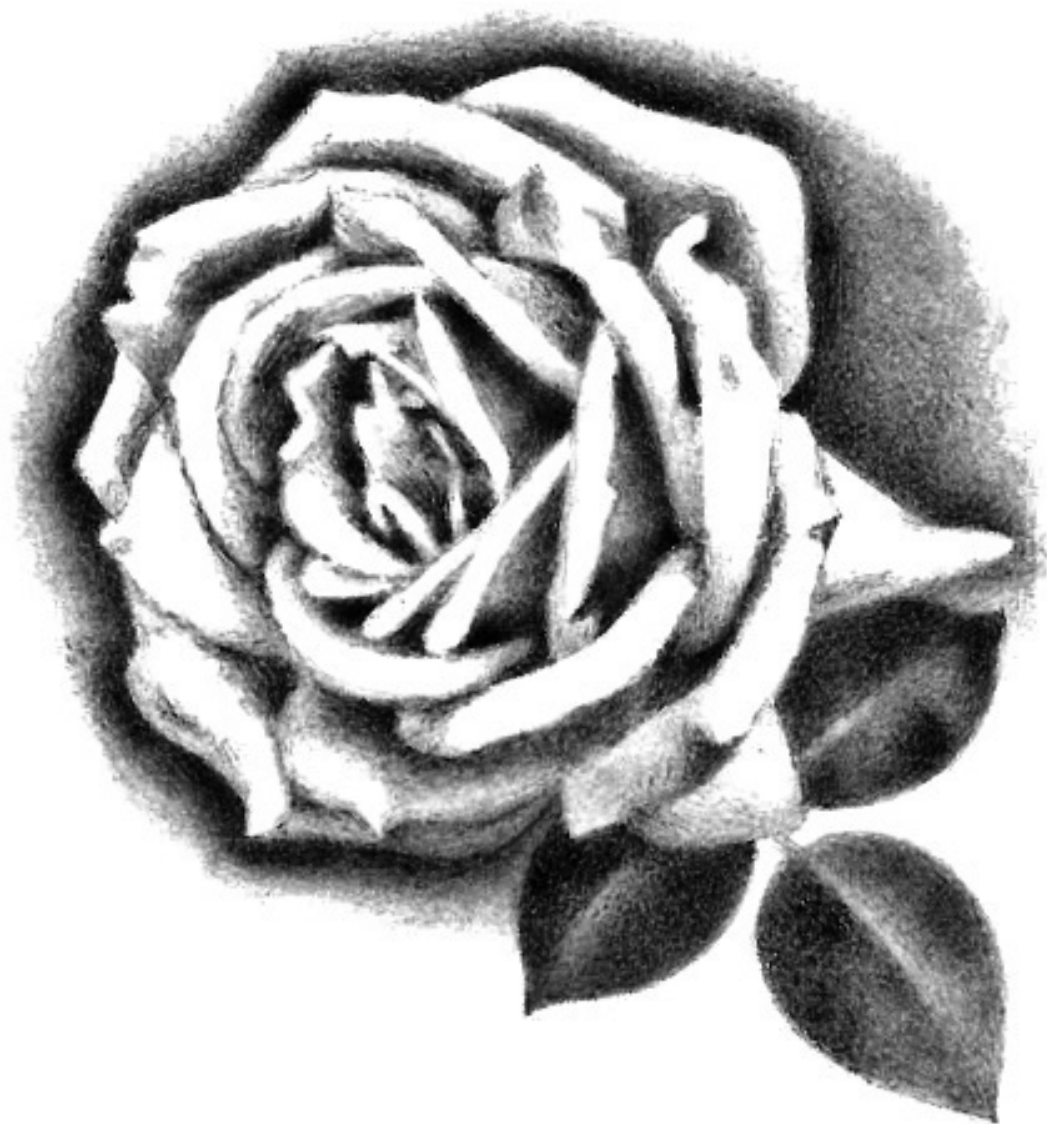
39

К ущербности прийти для Божества,
Прельщений чтобы меньше донимало?
Поистине негодные слова!
Неверными найти их явно мало.

Соблазнов и не сыщется таких,
Идти чтоб очумело на такое.
Легко рассудку нужно ведать их,
А не терять участие в покое.

Признательны должны мы быть Ему,
Бытуя с ними более приятно.
Ждать огненной расплаты ни к чему.

Даёт их Отче полностью бесплатно,
Как воздух и как воду, без чего
Недолго существует естество.

40

Посредством этой Книги без конца
Кому-то отнимать у нас угодно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.